

КОММУНИКАТИВИСТИКА И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА

Проблема греха в коммуникации современных турецких католиков**The Question of Sin in the Communication of Modern Turkish Catholics**

DOI: 10.12737/2587-9103-2025-14-6-76-83

Получено: 03 октября 2025 г. / Одобрено: 25 октября 2025 г. / Опубликовано: 26 декабря 2025 г.

Т.С. Силантьева

Преподаватель кафедры международной журналистики Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел России (МГИМО МИД России), ORCID id: 0009-0003-8107-9389, Москва, Россия, e-mail: silvestris10@mail.ru

T.S. Silantieva

Lecturer of the Department of International Journalism MGIMO University, ORCID id: 0009-0003-8107-9389, Moscow, Russia, e-mail: silvestris10@mail.ru

Аннотация

Коммуникация христианского сообщества с преобладающим мусульманским населением стран Ближнего Востока (к которым при ряде оговорок можно отнести и Турцию) на протяжении веков оставалась в фокусе внимания исследователей и практиков. Изучение проблем, возникающих в этой области, становится особенно актуальным в связи текущим разворотом отечественной науки на Восток. В статье предпринята попытка реконструировать один из специфических сегментов этой коммуникации: установить, как религиозно обусловленное понимание греха может влиять на разнообразные типы коммуникации в рамках одной культуры. Материалами исследования послужили эксперты интервью с католическими священниками, служащими на территории Турции, интервью с турецкими католиками и катехуменами, интервью с турками, не относящими себя к последователям христианства (мусульманами, алевитами, атеистами и агностиками), а также данные включённого наблюдения. Контент-анализ и дискурс-анализ этих данных позволил сделать вывод о преобладающем влиянии на концептуализацию греха в языковом сознании представителей местного католического сообщества Турции общекультурного контекста, задаваемого языковой реальностью (коллективным культурным бессознательным), обусловленной культурными практиками локального происхождения и представлениями мусульманского большинства. Особенности оригинальных толкований католиками греха связаны с практиками катехизации и накладываются «поверх» этих реалий, «пересобирая» их. В результате складывается ситуация «двойного разрыва», затрудняющая взаимное понимание католиков-турок с мусульманской культурной средой. Это требует дополнительных миссионерских и общекультурных усилий, направленных на реализацию главной заповеди христианства.

Ключевые слова: Турция, католики, мусульмане, грех, коммуникация.

Введение

Изучение языкового сознания современных турецких католиков представляет интерес не только в свете происходящих в наши дни глобальных культурных сдвигов. Взаимодействие социальных групп, чья принадлежность определяется не только политическими, экономическими и т.д., но и сугубо религиозными мотивами, в ряде случаев способно оказаться под влиянием этих часто скрытых (но в то же время очень действенных) мотивов [31], — ведь религиозная идентичность (если речь идёт именно о ней, а не о её суррогатах) опирается на глубоко

Abstract

The communication between the Christian community and the predominantly Muslim population of the Middle East (which, with some reservations, includes Turkey) has for centuries been in the focus of researchers and practitioners. The study of problems arising in this area is becoming particularly relevant in connection with the current shift of domestic science towards the East. This article attempts to reconstruct one specific segment of this communication: to establish the ways in which a religious understanding of sin can influence various types of communication within a single culture. The research materials included expert interviews with Catholic priests serving in Turkey, interviews with Turkish Catholics and catechumens, interviews with Turks who do not consider themselves followers of Christianity (Muslims, Alevi, atheists, and agnostics), as well as data from inclusive observation. Content analysis and discourse analysis of these data allowed us to conclude that the conceptualization of sin in the linguistic consciousness of representatives of the local Catholic community in Turkey is predominantly influenced by the general cultural context set by the linguistic reality (the collective cultural unconscious), conditioned by cultural practices of local origin and the perceptions of the Muslim majority. The particularities of Catholics' original interpretations of sin are linked to catechetical practices and are overlaid on top of these realities, "reassembling" them. This creates a situation of "double rupture" that challenges mutual understanding between Turkish Catholics and the Muslim cultural environment. This requires additional missionary and cultural efforts aimed at implementing the main commandment of Christianity.

Keywords: Türkiye, Catholics, Muslims, sin, communication.

интимные чувства человека. Разумеется, не стоит переоценивать вес религиозной составляющей поведения людей на фоне той же экономики или политики [20]. Однако нельзя и недооценивать эту составляющую, особенно там, где речь идёт о реальном процессе коммуникации в свете базовых категорий нравственности. Именно к таким категориям, помимо категорий «добра» и «зла», нередко относят категорию «грех».

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, неспадающим интересом исследователей к проблематике диалога христианства и ислама, а также

рядом существующих и до нынешнего момента не решённых до конца вопросов достижения взаимопонимания между представителями этих религий в рамках одной культуры. *Научная новизна* состоит в изучении проблем межрелигиозной коммуникации через призму лингвистического подхода и герменевтический анализ конкретного религиозного термина как одной из определяющих основ этой коммуникации.

Цель исследования заключается в определении того, как религиозно обусловленное понимание понятия «грех» влияет на взаимодействие турецких католиков с мусульманским сообществом. Достижение указанной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) установить границы интерпретаций понятия «грех», сопряженных с конфессиональной ангажированностью;
- 2) определить факторы влияния выявленных различий на коммуникативные процессы.

Материалами исследования выступил эмпирический материал, собранный в ходе опроса, экспертных интервью и включённого наблюдения. Полученные сведения были проанализированы при помощи герменевтического метода, контент-анализа и дискурс-анализа.

Обзор литературы

Обращаясь к феномену языкового сознания, следует иметь в виду, что его реконструкция может опираться на различные источники. Данное исследование опирается прежде всего на теорию коллективного культурного бессознательного (ККБ), разработанную академиком А.В. Смирновым [28]. Эта теория рассматривает язык как способ кристаллизации бессознательных феноменов, открывающих возможность их концептуализации и в конечном счёте введение в область логического, т.е. мыслительного, процесса. По понятным причинам такой подход к одному конкретному понятию «грех», важному в пространстве социокультурной коммуникации, не позволяет говорить о целостной реконструкции языкового сознания. Тем не менее понятие «грех» по целом ряду признаков позволяет проследить **постановку в языке вопроса**¹ о границе дозволенного в конкретных социолингвокультурных контекстах, что само открывает возможность дальнейшего исследования культуры как «способа смыслополагания» [29; 30]. Тем самым философия религии, рассматривающая единичные культурные организмы с точки зрения их сложно дифференцированного единства, становится исходной оптикой нашего исследования.

Вторым теоретическим источником исследования следует назвать подход когнитивного религиоведения (см., напр., [6; 14; 16; 25]), где постановка вопроса о языке религии входит в область исследования [13; 15; 16] хотя бы потому, что онтосемантическая структура религиозных символов не сводима ни к индивидуальной фантазии, ни к авторскому художественному освоению мира в образах.

И, наконец, третьим теоретико-методологическим источником нашего исследования является теория концептуализации, вбирающая в себя как классику концептологии (см., напр., [2; 3; 7; 10]), так и дискуссии о статусе концепта, его составляющих (включая когнитивную) [1; 5; 18; 19; 24; 32] и констелляциях [27; 33], методологии исследования [4; 8; 21; 34], особенностях его формирования и функционирования в различных сферах культуры [9], языковых средах (включая турецкий язык [23]) и т.д.

Дискуссия

Нельзя сказать, чтобы турецкому языку не повезло стать предметом рассмотрения в призме концептологии. Однако вопрос о «грехе» с точки зрения динамики взаимного влияния различных дискурсивных практик на ККБ турецкого языка до сих пор в научной литературе на поднимался.

1. Католики и мусульмане в Турции: особенности взаимодействия

На территории современной Турецкой Республики, как известно, находится множество христианских святынь. Несмотря на принадлежность большинства населения страны к последователям ислама, историческое присутствие христианства здесь не исчёрпывается памятниками культуры: в Турции живут последователи различных религий и различных ветвей христианства (включая католиков). Согласно данным *World Religion Database*, на 2020 г. в стране официально насчитывалось 0,21% христиан, из которых 0,05% — католики, лишь малую часть которых представляет местное население (считается, что в основном католичество исповедуют иностранцы, проживающие в Турции временно или на постоянной основе). Правда, приведённые выше количественные данные несколько расходятся с тем, как видят ситуацию представители католического духовенства в Турции. Отмечая, что в данный момент подсчёт числа практикующих католиков в стране попросту невозможен, они указывают на целый ряд источников возможных погрешностей. Например, при подсчёте осуществлённых за год крещений не учитывается возраст и национальная принадлежность получающих крещение, а также нигде не отражаются данные о том, продолжают ли практиковать свою веру и остаются ли вообще в стране крещёные — как

¹ Такой вопрос, по Э. Гуссерлю, можно отнести к сфере ноэзы, т.е. «способа данности смысла».

дети, так и взрослые католики. Поток иностранных туристов в католических церквях Турции огромен, в числе прихожан — множество приезжих, получивших гражданство или пребывающих в стране на основании рабочей визы, однако сбор статистики по местному населению крайне сложен в исполнении. Тем не менее католики среди местного населения Турции есть. Хотя нельзя не согласиться с тем фактом, что они составляют очевидное меньшинство. Наибольшее число католиков насчитывается в Измире и Стамбуле. Наш опрос охватывал преимущественно жителей этих регионов.

Более того, с формальной точки зрения католическая церковь именно как церковь в ТР просто не существует — она не признана в качестве правового субъекта. Как же тогда функционируют приходы? Ответ кроется в особенностях функционирования изощрённой бюрократической машины: некоторые члены общин имеют право формировать ассоциации с целью обеспечения бытовых нужд приходов (оплаты электроэнергии и прочих простейших потребностей). Это и позволяет фактически осуществлять деятельность в установленном законом порядке, не регистрируя общины в качестве именно церковных структур.

Католическое духовенство в Турции в основном представлено иностранными священниками, несущими служение на территории страны на основании рабочей визы или (в редких случаях) получившими гражданство. Для его получения, однако, служения недостаточно: требуется иметь ещё одну — «нормальную» — работу. Однако есть и священники-турки (их ощущимо меньше).

Как известно, в миссионерских представлениях многих конфессий (католики здесь не исключение) результативность миссии оценивается по числу прихожан «из местных», а также — по самому факту (а затем и количеству) священнослужителей из числа местных жителей. Тем самым значимым шагом для турецких католиков стало рукоположение священника из числа местных, ранее перешедших в КЦ из ислама, в сан епископа в 2023 г. Всего в Турции присутствуют трое епископов латинского обряда и ещё семеро — принадлежащих другим обрядам. Отец Антуан Илгит, турок-иезуит, стал первым среди них: он не приехал служить в страну из-за рубежа, но стал священником «на месте».

Интервьюируемые делились опытом того, что служение в мусульманских странах практически неизбежно оказывается связано с риском для жизни и здоровья. Причины этого мы не будем подробно разбирать в этой статье, однако обозначить данную проблему необходимо для пояснения дальнейших результатов исследования. Необходимо подчеркнуть,

что серьёзные риски в данном случае — не выдумка журналистов, хотя именно в новостях неоднократно освещались трагические инциденты (например такие, как стрельба в католической церкви Стамбула в январе 2024 г. [22], когда погиб турецкий католик; убийства католических священников, в частности, настоятеля церкви в Трабзоне отца Андреа Санторро, погибшего в 2006 г. [11], и епископа Луиджи Падовезо, убитого 2010 г. [12]). При этом ряд инцидентов, имевших место как 10–15 лет назад, так и сравнительно недавно, не попали в фокус внимания СМИ. Интересно, что при этом большинство опрошенных (т.е. «командированных» Ватиканом для служения в Турции священников нетурецкого происхождения) подтвердило, что служение в Турции не противоречит их личному желанию.

2. Грех как элемент мировоззрения: влияет ли ислам на сознание турка-мусульманина?

Согласно полученным нами данным, вопрос о том, как турецкие катехумены и католики понимают грех, по мнению интервьюируемых священников оказался в числе наиболее значимых, требующих существенной трансформации мировоззрения при осуществлении перехода из ислама (даже в том случае, если сам человек и его близкие родственники ислам не практиковали и не практикуют). В самом деле, культурная проекция ислама в современной Турции очень сильна [26]. Многие турки, даже причисляя себя к атеистам или агностикам, живут во многом согласно мусульманской традиции. Распространяется это в весьма значительной степени и на аlevитов (не путать с алавитами!), большинство из которых, участвуя в исследовании, не причисляли себя к мусульманам («нас считают одним из направлений ислама, но это не так»). Это касается и норм общения с людьми, и отношения к собственности, и системы распределения приоритетов, и культуры приёма пищи, и почитания старших, и конечно же языка.

Не вдаваясь в споры о культурном исламе [35], подчеркнём, что религия — в широком понимании глубоко переживаемых ценностей — может считаться одним из факторов принадлежности к социальной группе и помимо воли и желаний самого человека. Одно дело — родиться мусульманином и не практиковать свою веру (или даже не идентифицировать себя как верующего вообще), и совсем другое — стать в мусульманской стране последователем другой религии. Во втором случае групповое сознание может воспринимать такого новообращённого как предателя своего народа, своей культуры и своих ценностей. Например, в случае аlevитов — также являющихся религиозным меньшинством в Турции, к тому же на протяжении долгого времени преследуемым, — это

приводило к даже более трагичным порой последствиям, чем для христиан, несмотря на то, что их воззрения и традиционные нормы поведения пусть и отличаются от ислама «в чистом виде», однако не настолько явно, как в случае христиан. Заметим, что нам не удалось найти подтверждения тому, что кто-то из местных «переходит» из ислама в число алеви: даже при заключении браков с «обычными» мусульманами супруги просто продолжают практиковать каждый свою религию. Сами алевиты отмечают в целом позитивную тенденцию, наметившуюся в отношении к ним турецкого общества, по крайней мере, в рамках крупных мегаполисов. В то же время в христианские церкви вообще и католическую церковь в частности переходы происходят достаточно регулярно. И реакция на переход человека в христианство может быть очень разной.

В ряде случаев, — если, например, родственники этого человека не религиозны или семья «смешанная» (к примеру, кто-то из родителей или бабушек-дедушек — из христианской семьи, вроде греческих православных) — выбор принимают и поддерживают. Однако, к сожалению, так происходит далеко не всегда. Были зафиксированы случаи, когда семья выгнала из дома сыновей или дочерей, заявивших о своём стремлении перейти в христианство. Упоминались precedents, когда катехумены, попавшие в такое положение, обращались к представителям католического духовенства с запросом на получение места для проживания. Неудивительно, что церковь в Турции не имеет достаточно ресурсов, чтобы обеспечивать прихожан жильём, и хотя упомянутые выше ситуации получилось разрешить совместными усилиями прихода, перед катехизаторами встаёт важная задача: избегать такого рода конфликтов, научив будущих католиков не ставить себя в уязвимое положение. Кроме того, некоторые из опрошенных катехуменов католической церкви говорили о том, что в случае, если, например, в их университете увидят нательный крестик, это может привести не только к буллингу и социальной изоляции, но и к физическому насилию. Поэтому нельзя сказать, что христиане из числа местных жителей имеют возможность открыто заявлять о своей принадлежности к этой религии и практиковать свою веру в достаточной мере свободно.

Всё это влечёт за собой и определённые корректиры в понимании такого основополагающего понятия, как «грех». Около 76% опрошенных турецких католиков и катехуменов указали, что «белая ложь», «ложь, вызванная обстоятельствами» или «ложь» в целом (1) «не является грехом» или (2) «не считается грехом». Вероятно, причину таких оценок стоит искать в описанных выше угрозах, исходящих от некоторых представителей местного населения. Свою

лепту вносят и попытки (как самих опрошенных, так и католического духовенства) обезопасить своих прихожан от предсказуемых конфликтов.

3. Грех как *харам*: парадоксы интерпретаций

С другой стороны, интервью с мусульманами, живущими в Стамбуле, не показали настолько негативной тенденции. Тут стоит оговориться, что в чи-сло опрошенных не попали представители радикализированной части сообщества, поэтому нельзя экстраполировать результаты этого фрагмента исследования на всех турецких мусульман. Мусульмане, практикующие свою религию, подчёркивали, что Коран не предписывает проявления агрессии к ино-верцам, если они не воюют против ислама. Опрошенные в большинстве своём сходились во мнении о чуждости христианства и о том, что отреагировали бы агрессивно на попытки его им навязать, а в отсутствие оных имеют нейтральную позицию. При этом осведомлённость о том, что именно представляет из себя христианство, у местных мусульман оказалась крайне низкой. Основная часть опрошенных представителей турецкой культуры, вообще когда-либо задумывавшихся о сущности понятия «грех» в христианстве и его отличиях от канонов ислама, имеет крайне искажённое представление об этом предмете. Респонденты-мусульмане, к примеру, рассуждали о том, что в христианстве нет прямых запретов (по аналогии с понятием «харам» (тур. *haram*)) и списка праведных дел (по аналогии с понятием «хаяль» (тур. *helal* или *sevap* — «добroe дело»)), в силу чего христианский грех кажется им менее весомым и строго осуждаемым действием. Некоторые слышали что-то о заповедях, но упоминаний о смертных грехах и перечне христианских добродетелей и вовсе в ответах респондентов не встретилось.

О христианской исповеди некоторые интервьюируемые также не знали, а те, кто имел представление о сути данного таинства, воспринимали его с точки зрения «нагрешил — покаялся — пошёл грешить дальше». Конкретность и структурированная чёткость ислама в понимании того, что есть «харам», а что есть «хаяль», за что Аллах карает, а за что прощает, затрагивает также обряды и алгоритмы действий, вписанные в культуру повседневности. Такая строго полярная система, сталкиваясь со своего рода гибкостью (если не размытостью, с точки зрения мусульман) христианских представлений о грехе, вызывает множество сложностей как в формировании взаимопонимания в рамках межрелигиозного взаимодействия, так и при адаптации катехуменов (начиная с вопросов о том, каким обязан быть распорядок дня доброго католика, и заканчивая непосредственно пониманием концепций греха, исповеди, Божьего милосердия и др.).

Так, крещёные в католической церкви турки зачастую неосознанно расширяют впитанное с детства представление о том, что есть «харам», на понятие христианского греха. Иллюстрацией тому могут служить precedents, когда при подготовке к исповеди турецкие католики находят в Интернете списки возможных грехов, составленные, например, кем-то из американских католиков, и, по большому счёту, выбирают то, что подходит их ситуации, особо не вникая в детали и условности (которые, однако, часто оказывают существенное влияние и на определение действия как греховного в рамках католических взглядов, и на определение тяжести проступка). В качестве иллюстрации: один из респондентов привёл упоминание на исповеди просмотра не соответствующего католическим взглядам медиаконтента, что считается грехом при наличии определённого ряда условий, но никак не само по себе.

Примечательно, что катехумены, которые начали проходить подготовку к крещению год назад или меньше, изначально на вопрос «Знаете ли Вы, что такое „харам“?» отвечали отрицательно и даже с толикой возмущения, как бы стремясь подчеркнуть отсутствие какой-либо связи с исламом. Однако впоследствии, после уточнения, что речь идёт о термине и его значении, неуверенно соглашались, что знают. Далее в ответах наблюдались разные реакции.

Кто-то из опрошенных достаточно лаконично отвечал: это «то, что мусульмане считают запретным по религиозным причинам»; некоторые достаточно живо начинали проводить сравнение с христианским грехом. Во втором случае ответы сводились к тому, что «харам» сам по себе — нечто вроде конкретного списка, закона, нарушив предписания которого, человек гарантировано попадает в ад, в то время как христианство говорит о Божиих любви и милосердии, и, по мнению респондентов, суть самого понятия «грех» в христианстве куда глубже и сложнее. Кроме того, опрошенные католики выделили особенно то, что, согласно их представлениям, в исламе действие, не являющееся нарушением строго прописанного закона, не является грехом (в смысле «харам»), даже если наносит вред самому человеку, другим людям или природе, и в ряде случаев может также не считаться грехом в более широком смысле (тур. *günah*). В исламе также есть возможность искупления грехов: жертвоприношением или паломничеством. У мусульман существует некий «счётчик» грехов и праведных дел (тур. *sevap*), и на итоговый результат для души человека, как указали респонденты, в исламе будет влиять соотношение получившихся чисел: праведные поступки компенсируют совершенные грехи, во многом независимо от наличия или отсутствия глубокого раскаяния.

Ещё одним отличительным аспектом опрошенные назвали то, на ком лежит ответственность за совершение греха: если кто-то подтолкнул человека к его совершению, то ответственность лежит на проводнике искушения; если кто-то оклеветал — он как бы «забирает себе» грехи оклеветанного. В турецком языке существуют даже устойчивые выражения с подобной семантикой. К примеру, *günahini almak* (досл. «забрать его грех») используется в случае несправедливого обвинения человека — клеветник таким образом забирает себе его грехи: “*Senin bitti yarṭadığını bilmiyordum, günahını aldım, kusura bakma*” (досл. «Я не знал, что ты этого не делал, забрал твои грехи (т.е. обвинил напрасно), извини») — привёл вариант употребления один из респондентов. Ещё один пример — *günah (ben) den gitti* (досл. «грех от (меня) ушёл», грех с (меня) снят) — говорят людям, которые решаются на какой-то поступок, невзирая на предупреждения: “*Sonu kötü olacak bak söylüyorum ama günah benden gitti, nasıl istiyorsan öyle yap*” (досл. «Смотри, я говорю тебе, будет плохо, но грех с меня снят, делай, что хочешь»).

Ещё одно отличие, о котором говорили католики-турки — целеполагание. Согласно их пониманию, в исламе цель, признанная благой с точки зрения закона (в данном случае речь идёт о законе в религиозном понимании), оправдывает средства — так, клевета или даже убийство в ряде случаев могут не быть сочтены грехом, в то время как христианство куда строже относится к соблюдению заповедей. Опрошенные также неоднократно подчёркивали, что представители разных регионов Турции могут трактовать понятие греха очень по-разному. Однако ряд респондентов не усмотрел существенных отличий в религиозном понимании греха католиками и мусульманами и выделил, что трактовка зависит, по их мнению, в основном от того, насколько вдумчиво конкретный человек изучал священные тексты (будь то Коран или Библия) и насколько прислушивается к голосу совести.

Так, на этапе катехизации будущие католики оказываются в достаточной мере подготовлены с точки зрения теоретических знаний о религии (что, впрочем, как упоминали многие респонденты, очень сильно зависит от конкретного катехизатора). Однако на практике применение этих познаний вызывает сложности — зачастую не осознаваемые, и проведение самоанализа без чёткого «списка грехов» оказывается затруднительным.

4. Религиозная нетерпимость: ещё один парадокс интерпретации

Феномен, к сожалению, распространённый среди недавно крещёных или проходящих подготовку к крещению турков — своего рода нетерпимость.

Наиболее явно она проявляется в двух формах. В первом случае это полный отказ от общения с мусульманами: «Мне не о чем с ними говорить, они не знают Бога, что они могут знать?» — рассуждал один из респондентов. Нельзя сказать, что это всеобъемлющее явление, однако даже частные случаи наглядно иллюстрируют живучесть характерного отношения к «неверным» со стороны ряда течений ислама; правда, теперь «неверными» оказываются сами последователи «оставленного» ислама.

Во втором случае речь идёт об избегании греха. К примеру, если общение с каким-то человеком обычно сопровождается неспособностью противостоять искушению или приводит к совершению греха (пусть даже этот человек просто присутствует при этом), то его появление само по себе будет вызывать гнев и приводить к конфликтам — таким образом, человек сталкивается с совершением греха в попытках его избежать.

Община турецких католиков в Стамбуле оказывается довольно сплочённой, они стараются держаться вместе: пусть и не изолируя себя от остального общества полностью, но относясь к нему с изрядной настороженностью и по мере возможности дистанцируясь. То и дело остро встают проблемы в духе того, как турку-католику продолжать жить с членами семьи, исповедующими ислам. В процессе катехизации неоднократно затрагиваются вопросы о том, что поддержание мира в семье крайне важно с религиозной точки зрения, и порой эта идея заметно противоречит убеждённости катехуменов в том, что

родственники-мусульмане сбивают их с пути истинного. Готовящиеся к крещению сталкиваются с дилеммой: что окажется более серьёзным грехом — вынужденная необходимость вратить семью о своей вере, вступление в конфликт или разрыв отношений с родными.

Результаты

Таким образом, взаимодействие турецких католиков, выросших в культуре ислама, с окружающим их преимущественно мусульманским обществом оказывается осложнено целым рядом факторов, так или иначе затрагивающих понимание одного из центральных понятий обеих религий — греха. Во-первых, это недостаточная осведомлённость, влекущая за собой недопонимания и превратные представления о мировоззрении христиан, и, как следствие, коммуникативный разрыв. Во-вторых, это в некотором смысле типичное для мусульманской культуры неприятие «иноверцев» как таковых, проявляющееся у обеих сторон взаимодействия и в ряде случаев приводящее к недоверию, опаске и даже насилию. В-третьих, свою роль играет разница непосредственно закреплённых в двух религиях систем определения и наказания грехов, что оказывает существенное влияние на картину мира последователей этих религий — и при трансформации, с которой сталкиваются обращённые в христианство турки, затрагивает и перцептивные процессы, что, в свою очередь, влечёт за собой спад коммуникативной активности и порождает дополнительную дистанцию.

Литература

1. Ангелова М.М. «Концепт» в современной лингвокультурологии [Текст] / М.М. Ангелова // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Сборник научных трудов. — 2004. — Вып. 3. — С. 3–10.
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово [Текст] / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. — М., 1997. — С. 267–279.
3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А.П. Бабушкин. — Воронеж, 1996.
4. Баско Н.В. Языковые средства выражения оценочного компонента лингвокультурного концепта [Текст] / Н.В. Баско // Русистика без границ. — 2022. — Т. 6. — № 3. — С. 41–47.
5. Бахича Э.А. Проблема разграничения терминов «концепт» и «лингвокультурный концепт» [Текст] / Э.А. Бахича // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Филология. История. — 2024. — № 2. — С. 12–16.
6. Бегчин Д.А. Векторы объяснения религиозной архитектуры в оптике психологии религии [Текст] / Д.А. Бегчин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2022. — Т. 41. — С. 89–101. — DOI: 10.26516/2073-3380.2022.41.89
7. Бенвенист Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. — М., 1974.
8. Бичарова М.М. Фреймовый анализ как метод сопоставления концептов различных лингвокультур [Текст] / М.М. Бичарова // Евразийский филологический вестник. — 2024. — № 3. — С. 19–29.
9. Бойцова О.Ю. Концепт как эвристический инструмент: о потенциале концептологического подхода в политическом познании [Текст] / О.Ю. Бойцова // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2018. — Т. 14. — № 3. — С. 4–18.
10. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языка [Текст] / А. Вежбицкая. — М., 1999.
11. В Турции задержан подозреваемый в убийстве католического священника. [Электронный ресурс] // РИА «Новости». 2006. — URL: <https://ria.ru/20060207/43389182.html> (дата обращения: 07.11.2025).
12. В Турции убит католический священник [Электронный ресурс] // LIFE. 2010. — URL: <https://life.ru/p/26692> (дата обращения: 07.11.2025).
13. Ереско М.Н. Язык религии: философско-когнитивный анализ [Текст]: дисс. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / М.Н. Ереско. — М.: Изд-во МГУ, 2008. — 334 с.
14. Ереско М.Н. Взаимодействие светских и религиозных идентичностей как социологическая проблема [Текст] / М.Н. Ереско // Вестник Тюменского государственного университета. — 2006. — № 1. — С. 110–117.
15. Ереско М.Н. Язык религии: пролегомены к когнитивному дискурсу [Текст] / М.Н. Ереско // Религиоведение. — 2007. — № 2. — С. 98–115.
16. Ереско М.Н. Язык религии: смысл и символ (Опыт онтосемантического анализа) [Текст]: монография / М.Н. Ереско. — Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2007. — 436 с.

17. Зубковская А.А. Религиозная природа человека в свете когнитивно-символического подхода [Текст] / А.А. Зубковская // *Logos et Praxis*. — 2024. — Т. 23. — № 3. — С. 74–79. — DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2024.3.9
18. Матюшина Н.В. О задачах современной отечественной лингвокультурной концептологии [Текст] / Н. В. Матюшина // Гуманитарные науки и образование. — 2023. — Т. 14. — № 2. — С. 143–149. — DOI: 10.51609/2079-3499_2023_14_02_143
19. Матюшина Н.В. Основные положения отечественных школ концептологии в актуальных исследованиях [Текст] / Н.В. Матюшина // Гуманитарные и социальные науки. — 2023. — Т. 98. — № 3. — С. 86–95. — DOI: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-86-95
20. Михеев В. Могут ли чувства и представления быть религиозными и секулярными? Критика современной психологии религии [Текст] / В. Михеев // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. — 2018. — Т. 36. — № 3. — С. 142–167. — DOI: 10.22394/2073-7203-2018-36-3-142-167
21. Мишатина Н.Л. Методические маршруты лингвокультурологии: нарративное измерение ценностей [Текст] / Н.Л. Мишатина // Русский язык в школе. — 2025. — Т. 86. — № 1. — С. 7–19. — DOI: 10.30515/0131-6141-2025-86-1-7-19
22. Неизвестные напали на католическую церковь в Стамбуле [Электронный ресурс] // РБК. 2024. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65b63a889a7947a4bf137b80> (дата обращения: 07.11.2025).
23. Онал И.О. Концепт *dostluk* в турецкой языковой картине мира [Текст] / И.О. Онал // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2023. — № 2. — С. 101–110. — DOI: 10.20916/1812-3228-2023-2-101-110
24. Радищева В.О. К вопросу о проблемах лингвоконцептологии [Текст] / В.О. Радищева // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. — 2021. — № 2. — С. 122–125.
25. Самарина Т.С. Феноменология религии и когнитивное религиоведение [Текст] / Т.С. Самарина // Вопросы философии. — 2022. — № 10. — С. 183–192. — DOI: 10.21146/0042-8744-2022-10-183-192
26. Сарыгюль Ф. Влияние ислама на внутреннюю политику Турции. [Электронный ресурс] // РСМД. 2023. — URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/s-filis/vliyanie-islama-na-vnutennenuyupolitiku-turtsii> (дата обращения: 13.11.2025).
27. Светлова С.В. Проблема объективности концептосферы и концепт как субъект-объектное единство (некоторые аспекты теории концепта в работах С.А. Аскольдова и Д.С. Лихачева) [Текст] / С.В. Светлова // Будущее науки — 2025: Сборник научных статей 12-й Международной молодежной научной конференции. В 5 т, Курск, 17–18 апреля 2025 года. — Курск: Университетская книга, 2025. — С. 129–135.
28. Смирнов А.В. Коллективное когнитивное бессознательное и его функции в логике, языке и культуре [Текст] / А.В. Смирнов // Вестник РАН. — 2017. — № 10. — С. 867–878.
29. Смирнов А.В. Сознание как смыслополагание [Текст] / А.В. Смирнов // Философский журнал. — 2014. — № 1. — С. 35–57.
30. Смирнов А.В. Пропозиция и предикация [Текст] / А.В. Смирнов // Философский журнал. — 2016. — Т. 9. — № 1. — С. 5–24.
31. Смирнова У.В. Религиозное сознание как основа конструирования политического дискурса [Текст] / У.В. Смирнова // Первый Национальный конгресс по когнитивным исследованиям, искусственно интеллекту и нейроинформатике. Девятая международная конференция по когнитивной науке: Сборник научных трудов. В 2 ч, Москва, 10–16 октября 2020 г. Часть 1. — М.: Изд-во МИФИ, 2021. — С. 102–104.
32. Стompель Е.М. Концепт как базовая категория лингвокультурологии на страницах журнала «Гуманитарные исследования» [Текст] / Е.М. Стompель // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2015. — № 1. — С. 348–354.
33. Чулкина Н.Л. Языковая картина мира и национальная концептосфера: онтология, методы реконструкции и единицы описания [Текст] / Н.Л. Чулкина // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семиотика. — 2015. — № 1. — С. 76–82.
34. Эльясов А. Метафоризация концепта как процесс и результат: стилистические и pragматические характеристики [Текст] / А. Эльясов // Оригинальные исследования. — 2022. — Т. 12. — № 7. — С. 262–273.
35. Dianina S.Yu. Cultural Islam in Northern Europe / S.Yu. Dianina, M.A.M. Khalil, V.S. Glagolev // Baltiiskii Region. 2019, vol. 11, no. 3, pp. 142–160. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-3-8

References

- Angelova M.M. "Concept" in modern linguacultural studies // Aktualnye problemy anglijskoj lingvistiki i lingvodidaktiki [Current problems of English linguistics and linguodidactics]. Moscow, 2004, vol. 3, pp. 3–10. (In Russian)
- Askoldov S.A. Concept and word // Russkaya slovesnost. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya. [Russian Literature. From Literature Theory to Text Structure. Anthology.]. Moscow, 1997, pp. 267–279. (In Russian)
- Babushkin A.P. Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka. [Types of concepts in lexical and phraseological semantics of language]. Voronezh, 1996. (In Russian)
- Basko N.V. Linguistic means of expressing the evaluative component of a linguocultural concept // Rusistika bez granic [Russian studies without borders.]. 2022, vol. 6, no. 3, pp. 41–47. (In Russian)
- Baxicha E.A. The problem of distinguishing between the terms "concept" and "linguocultural concept" // Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Istorya [Scientific Notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University. Series: Philology. History]. 2024, no. 2, pp. 12–16. (In Russian)
- Begchin D.A. Vectors of Explanation of Religious Architecture in the Optics of the Psychology of Religion // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie [Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies]. 2022, vol. 41, pp. 89–101. DOI: 10.26516/2073-3380.2022.41.89 (In Russian)
- Benvenist E. Obshchaya lingvistika [General linguistics]. Moscow, 1974. (In Russian)
- Bicharova M.M. Frame analysis as a method for comparing concepts of different linguistic cultures // Evrazijskij filologicheskij vestnik [Eurasian Philological Bulletin]. 2024, no. 3, pp. 19–29. (In Russian)
- Bojczova O.Yu. Concept as a heuristic tool: on the potential of the conceptual approach in political cognition // Politicheskaya e`kspertiza: POLITEKS [Political Expertise: POLITEX]. 2018, vol. 14, no. 3, pp. 4–18. (In Russian)
- Vezhbitzkaia A. Semanticheskie universalii i opisanie yazyka [Semantic universals and language description]. Moscow, 1999. (In Russian)
- V Turtssi zaderzhan podozrevaemym u ubijstve katolicheskogo svyashchennika [A suspect of murdering a Catholic priest has been detained in Turkey]. URL: <https://ria.ru/20060207/43389182.html> (accessed 07.11.2025) (In Russian)
- V Turtssi ubit katolicheskij svyashchennik [A Catholic priest was killed in Turkey]. URL: <https://life.ru/p/26692> (accessed 07.11.2025) (In Russian)
- Eresko M.N. Yazyk religii: filosofsko-kognitivnyj analiz. Dokt. diss. [The Language of Religion: A Philosophical and Cognitive Analysis. Doct. Diss.]. Moscow, 2008, 334 p. (In Russian)
- Eresko M.N. The interaction of secular and religious identities as a sociological problem // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tyumen State University]. 2006, no. 1, pp. 110–117. (In Russian)

15. Eresko M.N. The Language of Religion: Prolegomena to Cognitive Discourse // Religiovedenie [Religious Studies]. 2007, no. 2, pp. 98–115. (In Russian)
16. Eresko M.N. Yazyk religii: smysl i simvol (Opyt ontosemanticskogo analiza): Monografiya [The language of religion: meaning and symbol (An experience of ontosemantic analysis): Monograph]. Tyumen, Izdatelstvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2007. 436 p. (In Russian)
17. Zubkovskaya A.A. The religious nature of man in light of the cognitive-symbolic approach // Logos et Praxis. 2024, vol. 23, no. 3, pp. 74–79. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2024.3.9 (In Russian)
18. Matyushina N.V. On the tasks of modern domestic linguacultural conceptology // Gumanitarnye nauki i obrazovanie [Humanities and Education]. 2023, vol. 14, no. 2, pp. 143–149. DOI: 10.51609/2079-3499_2023_14_02_143. (In Russian)
19. Matyushina N.V. The main provisions of domestic schools of conceptology in current research // Gumanitarnye i socialnye nauki [Humanities and social sciences]. 2023, vol. 98, no. 3, pp. 86–95. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-86-95. (In Russian)
20. Mikheev V. Can feelings and ideas be religious and secular? A critique of contemporary psychology of religion // Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom [State, religion, and the Church in Russia and abroad]. 2018, V. 36, № 3, pp. 142–167. — DOI: 10.22394/2073-7203-2018-36-3-142-167 (In Russian)
21. Mishatina N.L. Methodological routes of linguacultural studies: narrative dimension of values // Russkij yazyk v shkole [Russian language at school]. 2025, V. 86, № 1, pp. 7–19. — DOI 10.30515/0131-6141-2025-86-1-7-19 (In Russian)
22. Neizvestnye napali na katolicheskuyu tserkov v Stambule [Unknown assailants attacked a Catholic church in Istanbul]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree/news/65b63a889a7947a4bf137b80> (accessed 07.11.2025) (In Russian)
23. Onal I.O. The concept of dostluk in the Turkish linguistic worldview// Voprosy kognitivnoj lingvistiki [Issues in cognitive linguistics]. 2023, no. 2, pp. 101–110. DOI: 10.20916/1812-3228-2023-2-101-110 (In Russian)
24. Radishheva V.O. On the issues of linguoconceptology // Akademicheskij vestnik Rostovskogo filiala Rossiskoj tamozhennoj akademii [Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy]. 2021, no. 2, pp. 122–125. (In Russian)
25. Samarina T.S. Phenomenology of religion and cognitive religious studies // Voprosy filosofii [Questions of philosophy]. 2022, no. 10, pp. 183–192. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-10-183-192. (In Russian)
26. Sarygyul F. Vliyanie islam na vnutrennyyu politiku Turtsii. [The influence of Islam on the domestic politics of Turkey]. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/s-filis/vliyanie-islama-na-vnutrennyyu-politiku-turtsii> (accessed 13.11.2025) (In Russian)
27. Svetlova S.V. The problem of the objectivity of the conceptual sphere and the concept as a subject-object unity (some aspects of the theory of the concept in the works of S.A. Askoldov and D.S. Likhachev) // Budushhee nauki — 2025: Sbornik nauchnykh statej 12-ii Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchnoj konferentsii [The Future of Science — 2025: Collection of scientific articles from the 12th International Youth Scientific Conference]. Kursk, 2025, pp. 129–135. (In Russian)
28. Smirnov A.V. The collective cognitive unconscious and its functions in logic, language and culture // Vestnik RAN [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2017, no. 10, pp. 867–878. (In Russian)
29. Smirnov A.V. Consciousness as meaning-making// Filosofskij zhurnal [Philosophical journal]. 2014, no. 1, pp. 35–57. (In Russian)
30. Smirnov A. V. Proposition and predication // Filosofskij zhurnal [Philosophical journal]. 2016, vol. 9, no. 1, pp. 5–24. (In Russian)
31. Smirnova U.V. Religious consciousness as a basis for constructing political discourse // Pervyj Natsionalnyj kongress po kognitivnym issledovaniyam, iskusstvennomu intellektu i neiroinformatike. Devyataya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoj nauke: Sbornik nauchnykh trudov [The 1st National Congress on Cognitive Research, Artificial Intelligence, and Neuroinformatics. 9th Int. Conf. on Cognitive Science: Proc.] Moscow, 2021, pp. 102–104. (In Russian)
32. Stompel E.M. Concept as a Basic Category of Linguocultural Studies in the Journal "Humanities Research" // Kaspiskij region: politika, ekonomika, kultura [The Caspian region: politics, economics, culture]. 2015, no. 1, pp. 348–354. (In Russian)
33. Chulkina N.L. The linguistic picture of the world and the national conceptual sphere: ontology, reconstruction methods and units of description // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics]. 2015, no. 1, pp. 76–82. (In Russian)
34. Elyasov A. Metaphorization of a concept as a process and result: stylistic and pragmatic characteristics // Originalnye issledovaniya [Original research]. 2022, vol. 12, no. 7, pp. 262–273. (In Russian)
35. Dianina S. Yu. Cultural Islam in Northern Europe // Baltiiskii Region [Baltic Region]. 2019, V. 11, no. 3, pp. 142–160. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-3-8 (In Russian).